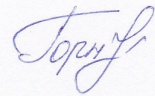

На правах рукописи

ГОРНОСТАЕВА Юлия Андреевна

**ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ПОЛЯРИЗОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ
ПАРАМЕТРИЗАЦИИ И АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Красноярск – 2018

Работа выполнена во ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Колмогорова Анастасия Владимировна
- Официальные оппоненты:** **Чудинов Анатолий Прокопьевич**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, заведующий кафедрой
- Иванова Светлана Викторовна**
доктор филологических наук, профессор,
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», кафедра английской филологии, заведующий кафедрой
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Защита диссертации состоится 13 декабря 2018 года в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет», федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, корп. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»: <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена изучению манипулятивного воздействия в англоязычном политическом массмедийном дискурсе, освещающем отношения двух политических оппонентов – России и США – в контексте актуальной политической ситуации на Украине.

Объект исследования – манипуляция в поляризованном политическом дискурсе СМИ. **Предметом** исследования являются вербальные маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе СМИ как метрики для измерения уровня манипулятивности массмедийного текста.

Актуальность диссертационной работы обусловлена остротой проблемы манипулятивного потенциала современных СМИ, деятельность которых направлена на изменение поведения общественности в выгодном для манипуляторов направлении; распространением манипулирования общественным мнением и контроля над информацией, определяющей политические взгляды и воззрения аудитории.

Кроме того, работа выполнена в русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, характеризуется междисциплинарностью, написана в рамках такого научного направления, как обработка естественных языков с применением методов машинного обучения и опыта параметризации для классификации политических текстов.

Гипотеза диссертационного исследования заключается в следующем: вербальные маркеры, выявленные в ходе экспериментального исследования, а также при использовании методологии дискурсивного анализа являются валидными метриками для разработки компьютерного классификатора политических текстов по уровню их манипулятивного потенциала.

Цель исследования – выявить вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе СМИ, посвященном отношениям России и США на фоне актуальной политической ситуации на Украине, а также доказать их валидность в качестве метрик для измерения уровня манипулятивности массмедийного политического текста и создания компьютерного классификатора текстов по уровню их манипулятивности.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) обосновать теоретическую базу исследования, опираясь на данные различных отраслей лингвистической науки: критический дискурс-анализ, теорию коммуникации, лексическую семантику;
- 2) описать манипуляцию как вид речевого воздействия;
- 3) рассмотреть особенности политического дискурса СМИ, совмещающего в себе особенности политического дискурса и дискурса СМИ;
- 4) обосновать инструментарий дискурс-анализа и социологический инструментарий, применимые для выявления манипуляции;
- 5) провести экспериментальное исследование, включающее в себя анкетирование и структурированное интервью с респондентами;
- 6) выявить типологию и создать номенклатуру вербальных маркеров, позволяющих диагностировать манипулятивный дискурс в контексте обсуждения проблематики взаимоотношений России и США;
- 7) проверить статистически валидность выявленных маркеров в качестве метрик для измерения уровня манипулятивности массмедийного текста для дальнейшей разработки программы-классификатора текстов;
- 8) создать компьютерный классификатор на основе алгоритма машинного обучения для оценки уровня манипулятивности англоязычных политических текстов, посвященных отношениям России и США.

Теоретическая база исследования представлена работами в русле дискурсивного анализа Р. Водак, Т.А. ван Дейка, М.Л. Макарова, Н. Фэркло; трудами, посвященными

политическому и массмедийному политическому дискурсам В.Н. Базылева, Э.В. Будаева, Т.А. ван Дейка, А.А. Филинского, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал; статьями, освещающими проблему поляризованной коммуникации М.М. Eissa, М.Р. Fiorina et. al.; исследованиями коммуникативно-когнитивных основ манипуляции Т.А. ван Дейка, Е.Л. Доценко, А.В. Колмогоровой, Г.А. Копниной, П.Б. Паршина, И.А. Стернина, А.А. Филинского, Г. Шиллера; статьями, описывающими опыт обнаружения вербальных маркеров J. Arciuli et. al., K. Cohen et. al., P. Furko, М.М. Louwerse, Н.Н. Mitchell, М.Л. Newman et. al., L. Pickering et. al.; работами по автоматической обработке естественно-языковых данных А.Н. Баранова, В.П. Захарова, В.Ш. Рубашкина, Р.М. Фрумкиной, S. Bird et. al. и методам машинного обучения П.Е. Велихова, Т.М. Митчела.

В настоящем диссертационном исследовании основу **методологии** составляет теоретико-методологическая база когнитивной и дискурсивной лингвистики. Ведущим методом изучения политической коммуникации выбран критический дискурс-анализ по Т.А. ван Дейку, предполагающий анализ контекста – изучение обстоятельств, времени, места, события, участников и их ролей и когнитивных характеристик, сферы деятельности и т.д., и собственно текстуальный анализ, в рамках которого тексты анализировались на лексическом уровне.

Применялись также методы коммуникативного анализа стратегий и тактик организации воздействия в рамках политического дискурса, метод статистической проверки гипотез с помощью двухвыборочного t-критерия Стьюдента для независимых выборок и алгоритм машинного обучения – «дерева принятия решений».

Для проверки валидности полученных результатов использован метод социолингвистического эксперимента, в котором было задействовано 36 респондентов, владеющих английским языком на сертифицированном уровне C1. Проведение эксперимента с вовлечением русскоязычных респондентов обусловлено выдвинутой гипотезой: русскоязычные респонденты как представители стороны «плохих» в макропропозиции «*мы – хорошие, они – плохие*» острее чувствуют проявления манипулятивного воздействия в поляризованном политическом массмедийном дискурсе.

Научная новизна заключается в том, что впервые ставятся и решаются задачи 1) выявления вербальных маркеров манипуляции; 2) доказательства их валидности в качестве метрик для программы автоматической обработки и классификации текстов; 3) разработки и апробации концепт-модели компьютерного приложения, способного классифицировать тексты на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Манипуляция является ведущей дискурсивной практикой организации непрямого воздействия в поляризованном политическом массмедийном дискурсе, позволяя скрыто производить деформации в картине мира массового адресата.

2. В поляризованном политическом массмедийном дискурсе, посвященном отношениям России и США, манипуляция реализуется при помощи двух основных стратегий: представление оппонента в невыгодном свете и позитивная самопрезентация.

3. Основные манипулятивные стратегии обнаруживают себя в текстах англоязычных СМИ посредством использования специфических средств, а именно: дискурсивных маркеров манипуляции, военной терминологии, лексем *Nazi* и *fascist* и производных от них, лексемы *soviet* и лексики на советскую тематику, антонимичных приставок *pro-* и *anti-*, прецедентного имени *Vladimir Putin*.

4. Выявленные вербальные средства являются маркерами манипулятивного воздействия, которые имеют статистическую валидность в качестве метрик для создания компьютерного классификатора текстов по уровню их манипулятивности.

5. Использование языка программирования *Python*, а также метода машинного обучения с опорой на алгоритм «дерево принятия решений» позволяют разработать компьютерное приложение, способное на основе учета статистической значимости

выявленных метрик классифицировать англоязычные тексты на 1) тексты, не содержащие манипуляцию; 2) тексты с низким уровнем манипулятивности; 3) тексты со средним уровнем манипулятивности; 4) тексты с высоким уровнем манипулятивности.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в развитие коммуникативной и компьютерной лингвистики. В частности, уточняется понятие «манипуляция» и вводятся новые – «маркер манипуляции» и «метрика для измерения уровня манипулятивного воздействия текста». Кроме того, на примере манипуляции разработан исследовательский алгоритм, позволяющий выявить вербальные маркеры коммуникативно-психологических феноменов, а затем параметризовать маркеры для целей автоматической обработки и классификации текстов. Разработанный алгоритм предоставляет возможность экстраполяции полученных результатов и технологии на материал других языков для создания аналогичных классификаторов на ином языковом материале.

Практическая значимость заключается в возможности использования разработанных алгоритмов машинного обучения в процессе мониторинга СМИ в аспекте информационной безопасности, а также применения основных положений и выводов в учебном процессе при разработке курсов по прикладной лингвистике, прагмалингвистике, культуре речи, лингвистической интерпретации текста, лингвистике текста и языку СМИ.

Материалом исследования являются англоязычные тексты двух авторитетных американских изданий – *The Washington Post* и *The New York Times* с 2014 по 2018 гг в объеме 1800 текстов, отражающие актуальную политическую ситуацию в Восточной Европе и отношения двух крупных оппонентов – России и США – на фоне геополитического кризиса на Украине. Выборка статей осуществлялась по тематическому принципу: отбирались статьи, освещающие украинский кризис и содержащие упоминание о России.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях методологического семинара кафедры романских языков и прикладной лингвистики и Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета. Результаты исследования представлены на 4 конференциях международного уровня: Международная научно-практическая конференция «Молодежь и наука: проспект Свободный» (г. Красноярск, 2015); Международная научно-практическая конференция «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (г. Красноярск, 2015); X Международная научная конференция «Политическая лингвистика» (г. Екатеринбург, 2016); XI Международная научная конференция «Политическая лингвистика» (г. Екатеринбург, 2017).

Основные результаты и положения исследования отражены в 7 публикациях, 5 из которых – в журналах из перечня рецензируемых научных изданий ВАК.

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и пяти приложений. Общий объем работы составляет 191 страница печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность и новизна диссертационного исследования, определяются объект, предмет, цели и задачи, указываются материал и методы исследования, выдвигается гипотеза, формулируются положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «**Теоретические основания параметрического подхода к анализу манипулятивного политического массмедийного дискурса**» представлена теоретико-методологическая база исследования, анализируются характеристики политического дискурса, рассмотренного во взаимодействии с массмедийным. Особое внимание уделяется феномену манипуляции в поляризованном политическом дискурсе.

В параграфе 1.1. **«Манипуляция и воздействие: к проблеме соотношения»** проведен обзор теоретических работ по проблеме манипуляции и речевого воздействия, который позволяет констатировать, что общепринятого определения данных феноменов не существует [Балл, Бургин, 1994; Волконогов, 1983; Грачев, Мельник, 2003; Доценко, 1997; Ковалев, 1989; Паршин, 2003; Стернин, 2012; Шиллер, 1980]. На основе анализа целого ряда определений выделены их отличительные признаки и сделан вывод: манипуляция – это вид речевого воздействия, который всегда подразумевает в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб для объекта манипулирования, а воздействие, в свою очередь, не всегда наносит ущерб интересам объекта, на который оно оказывается. Кроме того, установлено, что воздействие может быть как открытым, так и скрытым, а манипуляция всегда носит скрытый характер. Определено, что объектом настоящего исследования является именно манипуляция.

В параграфе 1.2. **«Манипуляция как вид непрямого речевого воздействия»** приведен аналитический обзор работ, посвященных исследованию манипуляции. В рамках настоящего диссертационного исследования, вслед за Т.А. ван Дейком, манипуляция понимается как коммуникативная и интерактивная практика, которая предполагает, что манипулятор, действуя в своих интересах, устанавливает контроль над другими людьми против их воли. При этом главное свойство манипуляции – это злоупотребление властью [Dijk, 2006]. В данном параграфе также представлены различные точки зрения относительно стратегий и тактик манипуляции, способов, а также техник манипулирования [Бордунова, 2010; Детинко, 2013; Зелинский, 2008; Филинский, 2002].

Рассмотрены средства манипуляции на различных языковых уровнях и сделан вывод о том, что манипуляция реализуется в тексте с помощью разнообразных языковых средств, однако основная проблема состоит в том, что эти средства, по большей части, не поддаются параметризации, а значит – не могут быть измерены автоматически. Доступны для параметризации лексические средства, анализ которых и представлен в данной диссертации.

Параграф 1.3. **«Лингвистическая методология анализа манипуляции»** описывает лингвистические подходы к анализу манипуляции в рамках западного дискурс-анализа и коммуникативной лингвистики. Подробно представлена концепция Т.А. ван Дейка (1.3.1.), на которую опирается данное исследование. Дискурсивный анализ по Т.А. ван Дейку предполагает текстуальный анализ (структурный анализ текста на всех его уровнях) и контекстный (анализ обстоятельств, времени, места, события, участников, сферы деятельности, ролей участников дискурса, социальных отношений между ними, когнитивных характеристик участников) [Dijk, 1998].

Кроме того, в данном параграфе представлены основные направления отечественной политической лингвистики (1.3.2.) и охарактеризованы две достаточно значимые в рамках данного исследования школы – Уральская школа политической лингвистики (1.3.3.) и школа политической лингвистики Сибирского федерального университета (1.3.4.).

Параграф 1.4. **«Основания для выбора материала исследования»** призван обосновать целесообразность выбора материала данного исследования. Подпараграф 1.4.1. **«Понятие поляризованного политического дискурса. Политический поляризованный дискурс как источник материала исследования»** посвящен описанию политического дискурса с точки зрения различных авторов и направлений исследований [Баранов, Казакевич, 1991; Шейгал, 2000; Dijk, 1999]. Определены отличительные признаки политического дискурса и обобщены выполняемые им функции, среди которых наиболее важными являются: реализация политической власти, разделение мира на «своих» и «чужих» (функция группового объединения и дистанцирующая функция), функция легитимизации (социальной солидарности и дифференциации), функция контроля и др.

Функция поляризации реализуется четырьмя тактиками: подчеркивание собственных позитивных характеристик / действий; подчеркивание негативных характеристик / действий оппонента; смягчение собственных негативных характеристик / действий; смягчение позитивных характеристик / действий оппонента [Dijk, 1998: 33]. Поляризованный дискурс, пропагандируя стереотипные представления об оппоненте и очерняя его репутацию, способствует делению общества на две группы – своих (*in-groups*) и чужих (*out-groups*) [Eissa et al., 2014].

Наилучшим способом масштабной трансляции идеи противопоставления двух политических сил является использование средств массовой информации. По мнению многих отечественных исследователей [Аносова, 2013; Грушевская, 2002; Никитина, 2006; Шейгал, 2004], целесообразно говорить о пересечении дискурса СМИ и политического дискурса, поскольку они обладают множеством сходных черт. Таким образом, в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ возникает политический дискурс СМИ, который определяется как сложное явление, имеющее своей целью установление власти за счет формирования общественного мнения. [Никитина, 2006].

В заключение параграфа делается вывод: целенаправленное распространение ментальных моделей посредством СМИ, которые заставляют людей острее чувствовать свою приверженность к «своим» и отторжение к «чужим», можно считать методом манипуляции, позволяющим оказывать влияние на политические воззрения на уровне массового сознания.

В подпараграфе 1.4.2. представлены критерии разграничения текстов с манипулятивной функцией и текстов с воздействующей неманипулятивной функцией. Выдвинута следующая гипотеза: мы можем утверждать, что в анализируемых дискурсах на американских граждан осуществляется скрытое манипулятивное воздействие, если 1) значительно увеличивается количество упоминаний России в СМИ; 2) при этом растет неприязнь американского населения к русским, а 3) сами тексты статей не являются экстремистскими, т.е. не содержат прямого воздействия в форме открытых призывов.

Вышеупомянутая гипотеза подтверждена данными социологических исследований Американского института общественного мнения – Института Гэллапа, посвященных отношению американцев к русским; подсчетом количества статей в издании *The New York Times* в период с 2000 по 2016 гг., в которых фигурируют номинация *Россия* и антропоним *Владимир Путин* (как основные маркеры «русской» тематики в СМИ), а также анализом материала исследования на предмет присутствия в нем экстремистских текстов. Обнаружено, что с 2013 года произошел резкий рост негативных мнений о России. Кроме того, по мнению социологов Института Гэллапа, американцы стали воспринимать Россию как злейшего врага – по этому показателю Россия обошла даже Северную Корею.

Резко возросло число упоминаний России и Владимира Путина в СМИ (на примере издания *The New York Times*). Есть основания для того, чтобы провести параллели между ухудшением отношений между представителями двух государств и числом упоминаний оппонента в прессе, ведь СМИ в напряженной политической ситуации, в ситуации поляризованного дискурса стремятся создать негативный образ оппонента и переложить на него ответственность за разжигание конфликта.

Наиболее существенным отличительным признаком экстремистских текстов являются открытые призывы, направленные на возбуждение ненависти к оппоненту и выражающиеся с помощью глаголов в единственном числе в форме повелительного наклонения. Таким образом, считается верным следующее утверждение: любой экстремистский текст является манипулятивным, но не всякий текст, содержащий манипуляцию, можно назвать экстремистским. Анализ статей «манипулятивной» выборки не обнаружил в них открытых призывов к насильственным действиям и жестокости, в связи с чем мы делаем вывод о том, что их нельзя категоризовать как экстремистские.

Итак, принимая во внимание тот факт, что, согласно социологическим данным, неприязнь американцев к русским растет, количество статей в американской прессе, в которых упоминаются Россия и президент Владимир Путин, также увеличивается, при этом сами статьи не являются экстремистскими текстами, делаем вывод: в американском политическом массмедийном дискурсе реализуется, преимущественно, манипулятивное воздействие на американских граждан, в результате которого возможно искажение образа России в картине мира реципиентов.

Итоговый вывод Главы 1 заключается в следующем: манипуляция как вид речевого воздействия является центральным понятием поляризованного политического дискурса СМИ, конститутивным признаком которого является борьба за власть и противопоставление «мы – они»; выявить вербальные средства манипуляции позволяет использование инструментария критического дискурса-анализа и методологии коммуникативно ориентированной политической лингвистики.

Во второй главе **«Методология выявления параметров для автоматического диагностирования манипуляции в политическом поляризованном дискурсе и результаты разработки компьютерного классификатора англоязычных текстов»** представлены методы и алгоритм обнаружения маркеров манипуляции, а также опыт дальнейшей проверки их валидности в качестве параметров для программы автоматического анализа текстов.

Параграф 2.1. **«Автоматическая обработка естественно-языковых данных и статистические исследования в лингвистике»** представляет собой обзор истории возникновения прикладной лингвистики как самостоятельной междисциплинарной области. Кроме того, в данном параграфе представлены различные программные средства обработки естественных языков, базы данных, возможности корпусной лингвистики.

Параграф 2.2. **«Методы машинного обучения в лингвистике»** раскрывает возможности применения алгоритмов машинного обучения для решения разного рода прикладных задач в лингвистике. Выделяется несколько групп методов машинного обучения: метрические, статистические, линейные и регрессионные методы классификации и др. Параграф дополняется обзором наиболее распространенных и актуальных инструментов для автоматической обработки естественно-языковых данных.

В параграфе 2.3. **«Вербальный маркер vs параметр (feature) в машинном обучении: к проблеме соотношения»** представлен опыт выявления в лингвистике вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов (2.3.1.), рассмотрено само понятие «параметр» в машинном обучении (2.3.2.), определяемое как индивидуальное измеряемое свойство (признак) исследуемого объекта [Raza, Qamar, 2017: 1], описана процедура отбора параметров.

По причине отсутствия единого мнения относительно содержания понятия «вербальный маркер», а также принимая во внимание цели и задачи нашего исследования, считаем целесообразным использовать термин «вербальный маркер», понимая под ним следующее: вычлняемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое явление.

Параграф 2.4. **«Алгоритм выявления параметров для автоматической классификации текстов на манипулятивные и неманипулятивные»** описывает ход проделанного исследования.

На первом этапе была проведена сплошная выборка 100 текстов статей, посвящённых отношениям США и России на фоне украинского кризиса, из американских периодических изданий *The New York Times* и *The Washington Post*. Статьи были предварительно категоризированы как манипулятивные.

На втором этапе 36 русскоязычным респондентам, владеющим английским языком на сертифицированном уровне C1, были предложены статьи из выборки. После

прочтения с испытуемыми проводилось структурированное интервью, в котором, в частности, предлагалось 1) определить эмоцию, чувство, которые респондент переживал во время прочтения статьи; 2) назвать устно или подчеркнуть в тексте статьи, те фрагменты текста, которые запомнились, обратили на себя внимание.

Выдвинута следующая гипотеза: в качестве самых запоминающихся частей текста русскоязычные респонденты, будучи представителями стороны «плохих» в поляризованной манипулятивной оппозиции «Мы – хорошие, они – плохие», выделяют наиболее манипулятивно сильные. Дискурс-анализ выделенных 36 респондентами текстовых фрагментов подтвердил их включенность в реализацию коммуникативных стратегий манипуляции, реализующих макропропозицию «Мы – хорошие, они – плохие», что позволило выделить первый список маркеров манипуляции. Мы назвали их «дискурсивными маркерами манипуляции» и в дальнейшем они составили обособленную группу маркеров.

На третьем этапе, сузив выборку за счёт только тех текстов, в которых присутствуют выделенные респондентами маркеры, мы проанализировали частотность других лексических и лексико-морфологических средств в данных статьях, что позволило нам определить 6 типов вербальных маркеров манипуляции.

Мы выдвинули гипотезу о том, что данные маркеры можно использовать в качестве метрик для дальнейшей разработки компьютерного анализатора текстов, способного классифицировать тексты на манипулятивные и неманипулятивные. Для проверки гипотезы был проведен статистический анализ её вероятности.

В параграфе 2.5. «**Результаты предварительной экспериментальной работы для сужения выборки и выявления первого параметра**» подробно рассмотрена процедура создания первичной выборки (2.5.1.), а также дизайн проведенного эксперимента (2.5.2.).

Тексты первичной выборки были отобраны в количестве 100 единиц по результатам контекстного анализа дискурса, в рамках которого рассмотрены обстоятельства, время, место, событие/действие; участники, сфера деятельности, роли участников дискурса – коммуникативные роли, роли взаимодействия, социальные роли, социальные отношения между участниками, когнитивные характеристики участников – идеология, знания, отношения. Контекстуальный анализ материала представлен ниже – в Таблице 1.

Таблица 1. – Контекстуальные характеристики массмедийных политических дискурсов, предварительно классифицированных как манипулятивные

Обстоятельства	Ситуация политической напряжённости между западными странами и Россией
Время	Май 2014-декабрь 2016 гг.
Место	США/ Россия/Украина
Событие, действие	Конфликт на Украине, присоединение Крыма к России
Участники	Российские и западные политики, журналисты, медийные персонажи
Сфера деятельности	Политика, масс-медиа
Роли участников	Украина – «жертва», Россия – «агрессор», США – «медиатор конфликта»
Социальные отношения между участниками	Конкурирующие политические силы
Когнитивные характеристики участников	Знания: правительство США в погоне за мировым господством старается всячески воспрепятствовать усилению про-российских настроений в Европе, осуждая внешнюю политику Российской Федерации. Идеология: США пропагандирует идеи демократии и защиты прав человека во всем мире.

Как видно из данной таблицы, для первой выборки мы отобрали статьи, освещающие военный конфликт на Украине, присоединение Крыма к России и некоторые другие события, напрямую связанные с гражданской войной на Украине и разворачивающиеся в период с мая 2014 и до настоящего времени (событие и время по Т.А. ван Дейку). Отобранные статьи относятся к сферам политики и масс-медиа (сфера деятельности). Участниками дискурса являются политические деятели и СМИ. В западном массмедийном дискурсе роли участников распределяются следующим образом: Россия считается агрессором, а США – медиатором конфликта. Участники дискурса представляют собой конкурирующие политические силы (социальные отношения между участниками) и обладают определенными когнитивными характеристиками (знания и идеология). Власти США, стремясь усилить свое влияние на международной арене, пытаются обличить внешнюю политику РФ и воспрепятствовать распространению ее влияния в Евросоюзе (знания по Т.А. ван Дейку). При этом стоит отметить, что США активно пропагандирует идеи демократии и гуманитарных прав и свобод (идеология).

Опыт выявления первого параметра – дискурсивных маркеров манипуляции – с опорой на экспериментальное исследование детально представлен в подпараграфах 2.5.2. и 2.5.3. Для выявления дискурсивных маркеров манипуляции в предварительно проанализированных нами при помощи инструментария дискурс-анализа (первая серия текстов) поляризованных политических и категоризированных как манипулятивные текстах было проведено экспериментальное исследование с использованием методики социолингвистического анкетирования, подразумевающей заполнение анкеты до чтения статьи и проведение структурированного интервью после прочтения статьи.

Гипотеза эксперимента состояла в следующем: если, следуя Т.А. ван Дейку, манипуляция – это всегда борьба смыслов в рамках макропропозиции «Мы – хорошие, они – плохие», то русские реципиенты антироссийских политических дискурсов, идентифицируя себя с «плохими», будут острее чувствовать наиболее эмоционально заряженные фрагменты манипулятивного дискурса западных СМИ.

В двух экспериментах было задействовано 36 участников: 10 мужчин и 26 женщин в возрасте от 20 до 27 лет. Перед прочтением статей респондентам предлагалось заполнить анкету, содержащую паспортную часть, а также ряд вопросов, призванных отразить знакомство респондентов с политическими новостями, отношение к политике в целом. При этом отметим, что ответы тех респондентов, которые указали в анкете, что интересуются политикой, не учитывались для чистоты эксперимента. Заинтересованных в политике оказалось двое.

После прочтения статьи с испытуемыми проводилось структурированное интервью в следующем виде: 1. Что Вы чувствуете: гнев, радость, унижение, восторг, спокойствие, обиду, ничего, возмущение, умиление, удивление, разочарование, грусть, раздражение, умиротворение, вину, неудобство, облегчение? 2. Чувствуете ли Вы себя комфортно после прочтения статьи (по шкале от -5 до 5). 3. Считаете ли Вы, что отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент, это: а) отношения позитивных деловых партнеров; б) отношения подавления со стороны США; с) обоюдная борьба и поочередное совершение ошибок; d) отношения подавления со стороны России. 4. Отметьте в тексте статьи отрывки, которые обратили на себя Ваше внимание, запомнились.

На основе анкет участников и ответов, полученных при проведении структурированного интервью, проведен анализ выделенных ими фрагментов текста для выявления дискурсивных маркеров манипуляции.

В первом эксперименте (декабрь 2014 г.) 20 русскоязычным респондентам предложено ознакомиться со статьей на английском языке из газеты *The Washington Post* под названием *Russia escalates tensions with aid convoy, reported firing of artillery inside Ukraine*, посвященной отправке очередного конвоя с гуманитарной помощью для мирного населения на Донбасс.

Большая часть испытуемых отметили, что чувствуют разочарование, обиду, грусть, возмущение, неудобство и раздражение после чтения. Уровень комфорта колеблется от -5 до -2, однако есть и такие, на кого статья не оказала никакого воздействия. Половина опрошенных считает, что отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент, можно охарактеризовать как отношения подавления со стороны США. Остальные описывают политическую ситуацию как обоюдную борьбу и поочередное совершение ошибок.

Во втором эксперименте (октябрь 2016 г.) приняли участие 16 магистрантов-лингвистов, которым было предложено ознакомиться со статьей под названием *Russian propaganda effort helped spread fake news during election, experts say* из газеты *The Washington Post*. В первой анкете 12 человек оценили отношения между Россией и США как нейтральные, как процесс обоюдного совершения ошибок и борьбу за влияние в мире. Двое указали, что отношения между двумя этими государствами можно охарактеризовать как власть и давление со стороны США, предвзятое отношения властей США к России. Один респондент, наоборот, посчитал, что давление оказывает Россия. Еще один участник эксперимента полагает, что отношения между США и Россией позитивные и деловые, при этом правительства обеих стран пытаются совместными усилиями выйти из кризисной ситуации.

До ознакомления со статьей большинство респондентов испытывали достаточно нейтральные (9 человек) или даже позитивные (6 человек) чувства к американцам и западным политикам. Лишь один человек указал -1 по шкале от -5 до 5. При этом 9 человек из 16 считают, что их личные интересы были затронуты из-за напряженных отношений между Россией и США.

Во второй анкете 8 человек отметили, что не испытывают абсолютно никаких эмоций после прочтения статьи. 5 респондентов описали свои эмоции как раздражение, разочарование, неудобство и грусть. Один человек указал удивление, а двое – умиление, спокойствие и радость. При этом 14 человек из 16 оценили отношения, сложившиеся между США и Россией, как обоюдную борьбу и поочередное совершение ошибок. Один участник эксперимента считает, что отношения можно оценить как деловые и партнерские, и еще один – как подавление со стороны США. Уровень комфорта несколько изменился, тем не менее, отметим, что у большинства респондентов сохранилось достаточно нейтральное отношение к американцам.

Выделенные испытуемыми в обоих экспериментах фрагменты текста характеризуются морфологическими и синтаксическими особенностями, которые для удобства изложения представлены нами в Таблице 2.

Таблица 2. – Морфологические и синтаксические особенности релевантных для респондентов текстовых фрагментов

Особенность	Пример
Морфология	
Прилагательные с яркой негативной коннотацией	Rebel-held, rebel-controlled, rebellious, Russia-backed, destructive, dangerous, aggressive, illegal, malicious, unfriendly, scandalous, catastrophic, hostile, guilty, violent, dangerous, manipulative, fake
Существительные с яркой негативной окраской	Aggression, invasion, force, manipulation, propaganda, suppression, deception, repression, threat, danger, corruption, scandal, double standard, boycott, rejection, conflict, rebels, rebellions, separatists, catastrophe, aggrandizer, confrontation, terrorists, terrorism, anger, fight, enemy, reluctance, atrocity, idiots
Глаголы, которые выражают неготовность России идти на уступки и прислушаться к	To invade, to deny, to kill, to destabilize, to attack, to threaten, to undermine, to manipulate, to dismiss, to deter, to ignore, to destruct, to violate, to denounce, to supply, to

мнению Запада	resupply, to pressure, to blame, to deport, to murder, to torture, to force, to harm, to corrupt, to injure, to battle, to suppress, to poison, to affect, to weaken, to worsen, to fight, to annoy, to exacerbate, to humiliate, to destroy, to troll
Использование местоимения «мы» как способ выражения солидарности стран Запада. Оппозиция мы/они, свой/чужой с помощью личных местоимений	We need to use all methods to stop Russian military aggression. They use our technologies and values against us.
Выражение «скрытого умысла» российских властей	Under the guise of (a humanitarian mission), as cover for (a military invasion)
Синтаксис	
Вводные конструкции, выражающие незыблемость того, о чем идет речь	It's clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission.
Страдательный залог (перекладывание ответственности)	The shipment was designed as cover for a military invasion.
Конструкции уточнения (чтобы выделить лишь один аспект многогранного явления, в данном случае – стремление умалить заслуги России, поставляющей гуманитарную помощь мирному населению)	If we find in the convoy some other equipment, some other equipment that's not humanitarian aid, then the direction will be different.

Таким образом, обнаруженные в ходе эксперимента и дискурс-анализа лексические единицы, а именно – существительные, прилагательные и глаголы с яркой негативной коннотацией – названы дискурсивными маркерами манипуляции.

Параграф 2.6. описывает процедуру выявления всех обнаруженных маркеров манипуляции, а именно: военная терминология, прилагательное *soviet* и лексика на советскую тематику, дискурсивные маркеры манипуляции, прецедентное имя *Vladimir Putin*, прилагательные с антонимичными приставками *pro-* и *anti-*, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них слова.

Под военным термином мы понимаем «устойчивую единицу синтетической или аналитической номинации, закрепленную за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [Шевчук, 1989: 8].

Многие авторы умышленно прибегают к использованию военной терминологии для усиления манипулятивного эффекта, для создания устрашающего образа оппонента. В отрывке 1 благодаря сочетанию военной лексики и конкретных числовых показателей создается образ реальной угрозы, исходящей от России – государства, обладающего огромным военным потенциалом.

(1) «*A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, Petro Poroshenko, told me that **intelligence estimates are of some 45,000 regular Russian troops on the border; tens of thousands of Russian irregulars of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of Russian officers and military personnel; some 450 battle tanks and over 700 pieces of artillery***» (*The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014*).

В примере 1 отмечается, что отставной генерал НАТО, который недавно вел переговоры с президентом Украины Петром Порошенко, рассказал о том, что по оценкам

разведки на границе находится мощный военный потенциал: более 45000 российских солдат регулярной армии; десятки тысяч солдат нерегулярной армии из различных подразделений, созданных на территории Украины, под командованием меньшего числа российских офицеров и военнослужащих; около 450 танков и более 700 артиллерийских орудий.

Во фрагменте 2 эксплицитно выражена угроза, исходящая от России: «*The current Russian buildup has all the signs of preparation for an offensive*» – Наблюдаемое наращивание военной мощи дает все основания предполагать, что **Россия готовится к нападению**. Далее на читателя «нагоняется» еще больший страх с помощью перечисления имеющегося в распоряжении у российской армии вооружения. А в заключение журналист устрашающе подытоживает: «*Вы не стали бы передвигать единицы военной техники на тысячи миль просто так*».

(2) «*The current Russian buildup has all the signs of preparation for an offensive. Large, unmarked convoys of heavy weapons and tanks manned by personnel without insignia on their uniforms (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the front lines in rebel-held territory. Sophisticated artillery and ground-to-air missile systems have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don't move military units thousands of miles for nothing*» (*The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014*).

В текстах исследуемых периодических изданий встречается упоминание о советском прошлом Российской Федерации – прилагательное *Soviet* (советский) или *post-Soviet* (постсоветский) в сочетании с существительными: *success, rule, union, territory, region, state, mentality, forces, times, troops, era, leader, space, narrative, citizens, greatness, stupor, masters, regime, republic, Russia, Cold War, the Berlin wall*.

Авторами дискурсивного фрагмента 3 предпринята попытка противопоставить советские – некрасивые – постройки элегантной европейской австро-венгерской архитектуре. С помощью такого приема мир разделяется на утонченный европейский, к которому уже давно относят себя жители Украины, и некрасивый серый советский – Россия.

(3) «*Residents of Lviv, where Soviet rule never erased elegant Austro-Hungarian architecture, have long been among the most determined in Ukraine to push their nation toward Europe*» (*In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, The Washington Post, 31/10/14*).

Жители Львова, где советские правила так и не стерли элегантную австро-венгерскую архитектуру, уже давно решительно настроены на присоединение к Европе.

В примере ниже (4) употребляется словосочетание *депрессивный советский регион*. Таким образом снова делается отсылка к негативным сторонам советского прошлого, которое противопоставляется радостному пост-советскому европейскому настоящему.

(4) «*It is a depressive Soviet region, Sokolov said in one of Lviv's bustling coffeehouses, which are reminiscent of Vienna*» (*In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, The Washington Post, 31/10/14*).

«Это депрессивный советский регион», – сказал Соколов в одной из шумных кофеен Львова, которые напоминают о Вене.

Употребляя выражения с лексемой *Soviet*, западные журналисты стремятся сделать отсылку к негативной стороне советского прошлого – отсутствию демократии, авторитаризму, упадку экономики, дефолту – и приписывают подобные отрицательные характеристики современной действительности.

Под прецедентными феноменами мы понимаем феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1987: 216].

Прецедентное имя *Vladimir Putin* ассоциируется у большинства россиян с временем результативных реформ, утверждения демократии, защиты граждан, мирного урегулирования международных конфликтов и укрепления позиций страны на международной арене. Однако для североамериканских СМИ Владимир Путин – тиран и диктатор, активно демонстрирующий свою силу в стране и мире, агрессор, захвативший Крым и развязавший войну на Украине. Западные СМИ приписывают Путину следующие характеристики: *Russia's paramount leader, with macho stance, resentful, aggressive, Putin holds a tranquillizer gun, Putin invaded, Putin fabricated, Putin hides the truth, Putin has framed a conflict.*

Утверждается, что политический лидер обнаруживает признаки мании величия, он кажется тщеславным диктатором, который возомнил себе, что Россия – самое сильное государство в мире, а россияне заражены «путинизмом» (*Putinism, Putin's Russia, Putin's regime, Putin's nationalism*).

Примеры 5, 6, 7 наглядно демонстрируют вышесказанное: Владимир Путин представлен агрессивным диктатором, который пытается оправдать свое насилие на территории Восточной Украины, выдумывая несуществующие факты.

(5) «*In response to **Putin's hammer**, the West has expressed concern*» (*The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014*).

В ответ на удар Путина Запад выразил свою обеспокоенность.

(6) «*There was no acknowledgement that the sanctions, imposed by Europe and the United States, were a reaction to **Mr. Putin's aggression** in Ukraine or that they have hurt Russia's weak economy*» (*Can America and Russia Get Along? The New York Times, 11/11/2014*).

Нет никакого подтверждения тому, что санкции, введенные Европой и Соединенными Штатами, были реакцией на агрессию Путина на Украине или же причинили вред и без того слабой российской экономике.

(7) «*The source of tensions between the West and Russia lies with the nature of the **Putin regime**. To justify his invasion, **Putin fabricated** stories that Russian speakers and ethnic Russians, first in Crimea and then in eastern Ukraine, were under threat. In reality, no such threats existed*» (*There will be no win-win deal with Putin, The Washington Post, 11/12/2014*).

Источник напряжения между Западом и Россией – путинский режим. Для того, чтобы оправдать свое вторжение, Путин сочинил истории о том, что русскоязычные граждане, а также этнически русские – сначала в Крыму, а затем в Восточной Украине – находятся под угрозой. На самом деле, не было никакой угрозы.

Употребление прецедентного имени *Vladimir Putin* в определенном контексте помогает авторам создать негативный образ оппонента, косвенно повлиять на его взгляды. Через призму знаний и оценочных высказываний о президенте РФ как о жестком и авторитарном политике формируется обобщенное представление о самом государстве.

Американские СМИ прибегают к использованию лексики, имеющей отношение к эпохе фашизма в Германии, нацизма для дискредитации нынешнего правительства РФ, приписывая ему негативные характеристики прошлого.

(8) «*Russian President Vladimir Putin has in recent years revised Stalin's legacy, emphasizing the dictator's role in defeating **Nazi Germany** in World War II and turning the Soviet Union into a world power*» (*In Putin's Russia it just got easier to find the perpetrators of Stalin's purges/ The Washington Post/ 24/11/16*).

Статья, отрывок из которой приведен выше (пример 8), освещает тот факт, что организация по защите прав человека опубликовала целую базу данных, содержащую персональные данные около 40000 исполнителей сталинских чисток, которые Кремль предпочел бы оставить в тайне. При этом проводятся параллели между тоталитарной Советской Россией и политикой Владимира Путина, который, к тому же, в последнее время оправдывает действия Сталина и подчеркивает его вклад в победу над фашистской

Германией и возвращение СССР статуса сверхдержавы. Владимира Путина обвиняют в сокрытии фактов и замалчивании неприглядных моментов истории СССР.

Кроме того, в западных СМИ, ведущих активную антироссийскую пропаганду, наметилась тенденция отождествлять СССР и фашистскую Германию, приравнять Сталина к Гитлеру, а значит – обвинить в нацистских настроениях (в особенности, с учетом присоединения Крыма) Россию как наследницу СССР и назвать Путина наследником Сталина, что, в свою очередь, дает повод правительствам Запада начать войну с РФ.

В исследованных нами статьях отмечено частое использование прилагательных с приставками *anti-* и *pro-*, которые помогают автору четко обозначить свою позицию, разделить «своих» и «чужих» и переложить ответственность за какое-либо действие на своего оппонента. Приставка *pro-*, в основном, встречается в составе прилагательного *Russian* и существительного *Russia* в сочетании с лексемами *rebels*, *rebellion*, *separatists* и т.п. Авторы пытаются донести до читателя, что повстанческим движением руководит российское правительство.

В представленных ниже заголовках из газеты *The Washington Post* (примеры 9, 10) автор перекладывает ответственность за военный конфликт на Украине на Россию, подчеркивает, что за действиями «повстанцев» стоят власти Российской Федерации.

(9) «*Ukraine pro-Russian rebels hold elections in the east, fueling conflict*» (*Ukraine pro-Russian rebels hold elections in the east, fueling conflict, The Washington Post, 02/11/14*).

Пророссийские повстанцы на Украине провели выборы на востоке, обострив конфликт.

(10) «*Eighteen months ago, when Russian President Vladimir Putin seized Crimea and then instigated a pro-Russian rebellion in the Donbas region, Ukraine was hot news*» (*Putin won his war in Ukraine, The Washington Post, 07/09/15*).

Восемнадцать месяцев назад, когда российский президент Владимир Путин захватил Крым, а затем спровоцировал пророссийское восстание на Донбассе, Украина была на первой полосе газет.

Американские СМИ описывают прилагательным *pro-Russian* (пророссийский) все, что, на их взгляд, «неправильное, недемократичное, не такое».

Западные СМИ нередко подчеркивают, что Путин проводит антизападную или антиамериканскую (*anti-Western, anti-American, anti-Americanism*) политику, используя приставку *anti-* (см. примеры 11, 12). Политика РФ – антизападная, а значит – антидемократическая, тоталитарная и жесткая. Приставка *anti-* привносит значение ‘нечто противоположное’, т. е. снова происходит усиление поляризации.

(11) «*Russian President Vladimir Putin accused the United States on Friday of trying to “reshape the whole world” for its benefit, in a fiery speech that was one of the most anti-American of his 15 years as Russia’s paramount leader*» (*Russia’s Putin blames U.S. for destabilizing world order, The Washington Post, 24/10/14*).

В пятницу президент России Владимир Путин обвинил Соединенные Штаты в попытке «переделать весь мир» в свою пользу во время пламенной и одной из самых антиамериканских речей за все 15 лет своего «самодержавия» в России.

(12) «*There is a lesson for Americans here, especially considering the fact that leading Russian academics suggest that the pendulum that is responsible for strident anti-Americanism in Russia could very well swing in the opposite direction*» (*Is Vladimir Putin an evil genius? No, but he’d like us to believe it, The Washington Post, 16/03/18*).

Это будет уроком для американцев, особенно учитывая тот факт, что ведущие российские ученые считают, что маятник, ответственный за резкий антиамериканизм в России, может сильно раскачаться в противоположном направлении.

В параграфе 2.7. представлен пример текстового анализа с опорой на выявленные маркеры манипуляции – статьи, классифицированной как манипулятивная, а также статьи на тему миграции в Европе, не относящейся к поляризованному дискурсу.

Параграф 2.8. «Статистическая проверка валидности отобранных для автоматической классификации параметров» описывает алгоритм осуществления статистической проверки выделенных маркеров манипуляции при помощи двухвыборочного t-критерия Стьюдента и языка программирования *Python*.

Была вычислена статическая значимость различия между средними значениями характеристических функций при помощи метода статистической проверки гипотез. В качестве порога статистической значимости выбран порог в 5% (0,05). Нулевая гипотеза – различия между средними значениями статистически не значимы (P-значение > 5%). Альтернативная гипотеза – различия статистически значимы (P-значение =< 5%).

По результатам проверки (Таблица 3) такие маркеры, как приставки *pro-* и *anti-*, лексема *soviet-*, дискурсивные маркеры манипуляции, военная терминология и прецедентное имя *Vladimir Putin* подтвердили свою статистическую значимость, а, следовательно, могут быть использованы для дифференциации манипулятивных текстов. При этом наиболее статистически значимыми оказались дискурсивные маркеры манипуляции и прецедентное имя *Vladimir Putin*.

Анализ лексем *Nazi* и *fascist* и производных от них слов показал, что различия по данному признаку несущественны. Тем не менее, данный параметр все-таки может приниматься во внимание в сочетании с другими.

Таблица 3. – Результаты сравнения значений функций

Метрика	t-критерий (различие между средним количеством слов в текстах)	p-значение (вероятность одинаковости двух выборок)
<i>pro-</i> и <i>anti-</i>	2.13633331	0.03522494
<i>soviet-</i>	3.72056850	0.00039430
Дискурсивные маркеры манипуляции	4.955	0.00000308
Военная терминология	2.3306	0.0223
Прецедентное имя <i>Vladimir Putin</i>	5.8044	0.0000001667
Лексемы <i>Nazi</i> и <i>fascists</i> и производные от них слова	0.3592	0.7202

В параграфе 2.9. «Деревья принятия решений как метод автоматического анализа данных» описаны особенности и основные принципы работы алгоритмы «деревьев принятия решений». «Деревья решений» – это способ представления правил в иерархической последовательной структуре, при этом каждому объекту соответствует один узел решения. Под правилом понимается логическая конструкция, представленная в виде «если ... то ...» [Бериков, 2002; Мошков, 1994; Murthy, 1997].

На первом этапе работы тексты статей с сайтов сохранены в базу данных в формате *json*. Предварительное скачивание статей с сайтов, а также их очистка от лишней разметки были проделаны на этапе статистической проверки параметров.

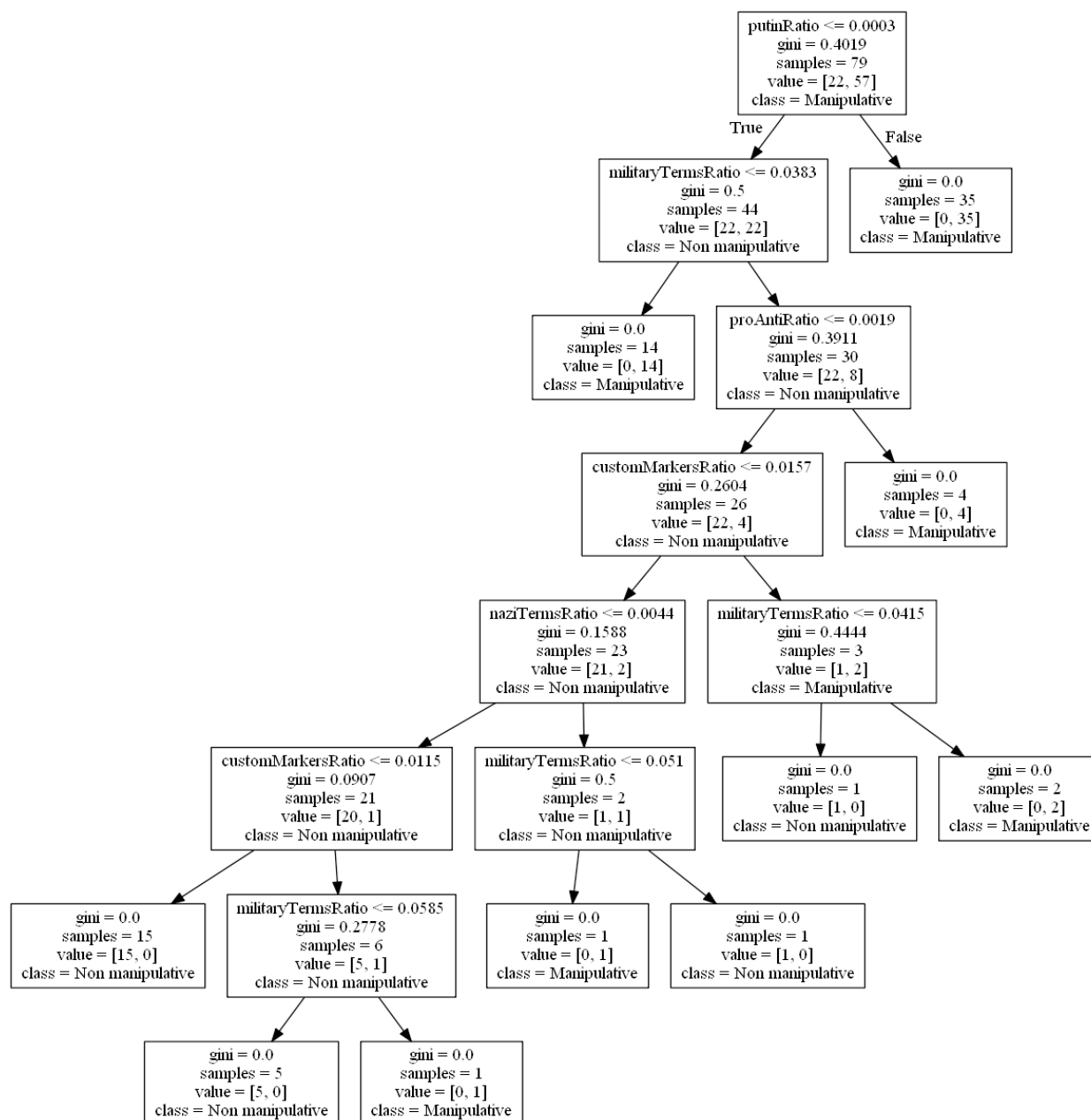
На следующем этапе проводится нормализация данных и отбор параметров, однако в нашем случае параметры определены нами заранее, а значения метрик подсчитаны ранее и загружены в базу данных в формате *json*, поэтому данный этап был пропущен.

На заключительном этапе, после предварительного анализа предложенных алгоритмов машинного обучения, в документированной библиотеке *Scikit-Learn* [scikit-learn.org] для проводимого исследования был построен алгоритм «деревьев принятия решений» и оценена значимость всех параметров.

На Рисунке 1 представлено одно из первых «деревьев решений» для классификации множества из 79 текстов. В первом узле констатируется, что из 79

загруженных предположительно манипулятивных текстов 35 содержат статистически большое количество использований прецедентного имени *Vladimir Putin*, что уже является основанием для их классификации как манипулятивных. Оставшиеся 44 текста проверяются на наличие военной лексики: в 14 ее количество статистически значимо, а в 30 – нет. Первые 14 попадают в категорию манипулятивных, а оставшиеся 30 проверяются на наличие других маркеров и т.д.

Рисунок 1. – «Дерево принятия решений»

После обучения классификатора мы получили возможность оценить значимость выявленных нами параметров. Таким образом, получены следующие цифры (см. Табл. 4).

Таблица 4. – Результаты построения алгоритма «деревьев принятия решений»

Дискурсивные маркеры манипуляции 'customMarkersRatio'	0.06368568
Военная терминология 'militaryTermsRatio'	0.44938862

Приставки <i>pro-</i> и <i>anti-</i> 'proAntiRatio'	0.15636527
Прецедентное имя <i>Vladimir Putin</i> 'putinRatio'	0.30701754
Лексика на советскую тематику 'sovierRatio'	0
Лексемы <i>Nazi</i> и <i>fascist</i> и производные от них слова 'naziTermsRatio'	0.02354288

Чем ближе данный показатель к 1, тем выше важность параметра для классификации. Исходя из полученных данных, мы можем сделать следующие выводы: наиболее весомые в рамках нашей классификации параметры – военная терминология и прецедентное имя *Владимир Путин*. Согласно полученным данным, лексика на советскую тематику не имеет решающего значения при компьютерной классификации текстов в рамках нашего исследования, однако может выступать в качестве вербального маркера манипуляции в сочетании с другими, выделенными нами маркерами.

Параграф 2.10. «**Интерфейс онлайн версии программы и алгоритм работы с ней**» описывает принцип работы с классификатором, разработанным при поддержке Центра цифровой экономики СФУ и доступным в режиме тестирования по ссылке <http://bias.verbalab.ru/>. В данном параграфе также продемонстрирован результат программного анализа нескольких статей: классификация осуществляется на основе числа ненулевых параметров: если в тексте не найден вообще или обнаружен 1 ненулевой параметр, текст считается неманипулятивным, 2-3 – низкой степени манипулятивности, 4 – средней, 5-6 – высокоманипулятивный.

Предполагается, что в дальнейшем валидность результатов будет улучшена, поскольку при анализе большего числа текстов классификатор выявит большее число статистических закономерностей.

В Заключении подводятся итоги исследования и очерчиваются его дальнейшие перспективы. Отмечается, что манипуляция – это центральное понятие поляризованного политического дискурса СМИ, конститутивным признаком которого является борьба за власть и противопоставление «мы–они». Выявить вербальные средства манипуляции позволяет использование критического дискурс-анализа и методологии коммуникативно ориентированной политической лингвистики.

В рамках настоящего исследования выявлены вербальные маркеры манипуляции, впоследствии использованные в качестве параметров для работы классификатора: дискурсивные маркеры (выделенные во время дискурсивного анализа материала и в ходе экспериментальной работы с информантами), прецедентное имя *Vladimir Putin*, прилагательные с приставками *pro-* и *anti-*, морфема *Soviet* и лексика на советскую тематику, военная терминология, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них. Автоматическое диагностирование манипуляции построено на поиске в текстах заданных параметров, под которыми понимаются поддающиеся количественному измерению вербальные маркеры.

Вышеупомянутые маркеры выявлены в ходе экспериментального исследования с привлечением 36 респондентов, а также дискурсивного анализа материала. Все маркеры доказали свою статистическую значимость в ходе проверки с применением двухвыборочного *t*-критерия Стьюдента, преодолев установленный нами порог значимости, а значит могут выступать в качестве параметров классификатора. Наиболее весомыми оказались значения дискурсивных маркеров манипуляции и прецедентного имени *Vladimir Putin*.

На завершающем этапе разработан интерфейс онлайн программы.

В качестве потенциальных потребителей разработки рассматриваются рядовые пользователи сети Интернет, специалисты массмедийной сферы, стремящиеся к получению более объективной информации из источников на английском языке, а также

государственные структуры, проводящие мониторинг информации, поступающей в российское медиапространство.

Данное исследование вносит свой теоретический и практический вклад в развитие современной лингвистической науки и компьютерной лингвистики, в частности. В рамках настоящего исследования достигается более глубокое понимание понятия «манипуляция», которое сопоставляется с понятием «речевое воздействие», вводятся новые термины – «маркер манипуляции» и «метрика для измерения манипулятивности текста». Практический вклад работы обусловлен разработанным алгоритмом, который может быть применен для решения задач классификации текстов на разнообразном языковом материале, а также созданным онлайн классификатором, оказавшимся достаточно эффективным для осуществления автоматической обработки политических текстов. Поставленная в исследовании цель достигнута в полном объеме.

В качестве перспектив исследования отмечается возможность создания мобильного приложения и аналогичного классификатора на другом языковом материале.

В Приложении А представлен список военной терминологии.

Приложения Б и В представляют собой тексты статей, задействованных в социолингвистическом эксперименте.

В Приложениях Г и Д размещены программные коды статистической проверки параметров и алгоритма «деревьев принятия решений».

По теме диссертации опубликованы следующие научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Горностаева, Ю.А. Военная терминология как вербальный маркер манипуляции: опыт автоматического анализа текстов / Ю.А. Горностаева // Казанская наука. Казань: Казанский издательский дом, 2018. – № 5. – С. 54-56.

2. Горностаева, Ю.А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса / Ю.А. Горностаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. – № 8 (86). – Ч. 1. – С. 91–94.

3. Колмогорова, А.В., Горностаева, Ю.А., Калинин, А.А. Разработка компьютерной программы автоматического анализа и классификации поляризованных политических текстов на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия: практические результаты и обсуждение / А.В. Колмогорова, Ю.А. Горностаева, А.А. Калинин // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – 2017. – № 4 (64). – С. 67–75.

4. Колмогорова, А.В., Талдыкина, Ю.А. Языковые маркеры манипуляции для разработки технологии оценки уровня манипулятивности текста масс-медиа / А.В. Колмогорова, Ю.А. Талдыкина // Когнитивные исследования языка. Тамбов. – 2016. – № 26. – С. 542–545.

5. Колмогорова, А.В., Талдыкина, Ю.А., Калинин, А.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А.В. Колмогорова, Ю.А. Талдыкина, А.А. Калинин // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – 2016. – № 4 (58). – С. 194–199.

В других периодических научных изданиях и сборниках:

6. Талдыкина, Ю.А. Использование методики социолингвистического анкетирования для анализа речевого манипулятивного воздействия / Ю.А. Талдыкина // Электронный сборник материалов международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектив Свободный 2015». Красноярск. – 2015. – С. 54–57.

7. Колмогорова, А.В., Талдыкина, Ю.А. Использование методики социолингвистического анкетирования для анализа речевой манипуляции / А.В. Колмогорова, Ю.А. Талдыкина // Вестник ТвГТУ, серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь. – 2015. № 3. – С. 59–63.